

Дмитрий Немельштейн

Святитель Филипп Московский
Вехи русской православной истории

Дмитрий И. Немельштейн
Святитель Филипп Московский.
Вехи русской православной истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3459055

*Дмитрий Немельштейн. Вехи русской православной истории: Московская городская организация
Союза писателей России; Москва; 2012
ISBN 978-5-7949-0027-9*

Аннотация

Религиозное и мирское начала. Дух и плоть. Они то воюют друг с другом, то пребывают в согласии. Они обречены на вечную вражду и вечную любовь. Их взаимодействие рождает народы и государства. Созидает могущественные державы и разрушает их. Их взаимодействие Божиим промыслом породило великую русскую православную цивилизацию. Что двигало теми, кто эту цивилизацию созидал, кто её защищал, кто за неё молился? Что есть истина? И что есть ложная истина? Почему им нередко приходится меняться местами? Во имя чего и кого?

Эта книга о выдающихся и совсем неприметных героях русской православной истории, об их праведности и греховности, о мотивах их обыденных и великих деяний.

Содержание

ВЫСОКИЙ ДОЛГ ПРИЗВАНИЯ	4
Святитель Филипп Московский[1]	6
Часть первая	7
Действие первое	7
Сцена первая	7
Сцена вторая	7
Сцена третья	14
Сцена четвертая	17
Часть вторая	21
Действие первое	21
Сцена первая	21
Действие второе	23
Сцена первая	23
Сцена вторая	24
Сцена третья	26
Сцена четвертая	34
Действие третье	36
Сцена первая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Дмитрий Немельштейн

Вехи русской православной истории

Трагедии, метаморфозы

и уроки этногенеза

ВЫСОКИЙ ДОЛГ ПРИЗВАНИЯ

О новой книге Дмитрия НЕМЕЛЬШТЕЙНА

Драма русского человека нынешнего времени – в утрате духовной преемственности по отношению к своим духовным истокам, в отказе, вольном или невольном, от первоначальных мистических смыслов, заложенных в его исторической судьбе. Чья в этом вина? На протяжении долгого времени мы не можем найти ответа на этот вопрос. Одни винят социальный прогресс и эпохальные исторические потрясения двадцатого века, пытаюсь найти спасение в «преданьях старины глубокой», в ее героической мифологии и благолепных внешних формах. Другие именно в этих исторических потрясениях видят оборвавшийся на взлете прорыв в новые смыслы, основанные на всех этапах духовного становления русского самосознания. Есть, как говорится, и другие мнения... Понимание происходит, хотя и медленно, ценой тяжелых испытаний – как личностных, так и народа в целом, но оно – залог нашего будущего, будущего великой России. Через мучительные заблуждения и сатанинские соблазны, через горькие прозрения и благодатные озарения, через жертвенное служение и вдохновенную молитву находит оно путь к сердцам людей. И одним из главных выразителей этого неотвратимого понимания традиционно в России является голос Поэта – певца, молитвенника, защитника и просветителя. Поэтическое слово вдохновляет на подвиг, поднимает на бой, пробуждает совесть, примиряет с жизнью, обновляет смыслы...

Дмитрий Немельштейн – поэт многогранный, его дарование полифонично, мастерство выдержано и отточено недюжинным творческим опытом. Произведения, составляющие его новую книгу, объединены не только чисто исторической тематикой, но и выбором конкретных тем и персонажей. Святитель Филипп Московский – митрополит Филипп II, оставшийся в истории России как священнослужитель, не боявшийся обличать светскую власть... Святитель Ермоген, радетель православной веры и русского единства... Князь Андрей Боголюбский, под властью которого Владимиро-Суздальское княжество достигло большого могущества, став основой для будущего Российского государства... Все трое приняли мученическую смерть за Отечество и были канонизированы Русской Православной церковью. Поэма «Степная быль» о легендарных запорожцах... Поэма «Выбор», повествующая о Крещении Руси – судьбоносном и мучительном акте обретения Божественной истины на перепутьях истории... Поэтический цикл «Да не престанет русский род!», завершающий книгу, повествует о Куликовской битве. Несколько лет назад я писал об этом цикле: «...Дмитрий Немельштейн своими стихами о поле Куликовом не только стал реальным продолжателем прочной традиции русской литературы, но и привнес в современный литературный процесс весьма значительный вклад подлинно гражданского сознания и поэтического мастерства». Сегодня, вчитываясь в чеканные строфы новых произведений Дмитрия Немельштейна, проникаясь духом высокой героики его произведений, я убеждаюсь в том, что мои оценки не были преувеличенными. Новый блок исторических произведений Дмитрия Немельштейна являет читателю зрелого мастера, посвятившего вдохновение и мастерство русской истории и таинству русского духа, явленного в своей прямоте и в своем

величии. Сегодня, когда святыни нашей истории зачастую обрекаются на забвение, а то и на просто поругание, когда национальные традиции оскверняются пошлостью эстрадных шутов, когда патриотизм и нравственность объявляются едва ли не предрассудками – особую актуальность обретают творения человеческого духа, утверждающие высокий смысл человеческого бытия и все его возвышенные формы. Беззаветная любовь к Отечеству, прославление лучших качеств человека и гражданина, утверждение святого долга перед Родиной – в этом состоит искренний пафос произведений Дмитрия Немельштейна. Истинный поэт, он не тяготится высоким долгом своего призвания, но скромно и мужественно следует ему – на благо русского народа, на благо народа России во всей его многообразной полноте. Следует сказать, что, являясь проникновенным лириком и мастером сонета, автор в своей книге ограничил себя жесткими рамками исторического жанра. Взыскательный читатель имеет возможность по достоинству оценить это высокое самоограничение.

Открывая эту книгу, не стоит искать в ней субъективных лирических излияний или отвлеченного философского мудрствования. В этих произведениях дышат страницы нашей многовековой истории. Пронизанные духом жизни и любви, они заставляют еще и еще раз переосмыслить то, о чем нам, казалось бы, давно уже известно. Поэтические произведения Дмитрия Немельштейна являются значительным фактором современного русского дискурса и ждут своего читателя, равнодушного и взыскующего смыслов – как старых, так и новых. Эта книга будет надежным собеседником и верным ориентиром в раздумьях о судьбах нашего Отечества.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Секретарь Правления Союза писателей России Заслуженный работник культуры Российской Федерации Заслуженный работник культуры Чеченской Республики Действительный член Петровской Академии наук и искусств

Святитель Филипп Московский¹

Историческая драма в двух частях, пяти действиях

Светлой памяти блистательного актера театра и кино Олега Янковского

Действующие лица:

Филипп (до пострига – Федор Степанович Колычев) – митрополит Московский и всея Руси.

Иван IV – царь и великий государь всея Руси.

Суббота – зажиточный крестьянин.

Дуняша – дочь Субботы.

Спиридон (до пострига – протопоп Сильвестр) – один из наставников молодого Ивана IV).

Зосима – монах Соловецкого монастыря.

Паисий – монах Соловецкого монастыря.

Вяземский – князь, ближайший сподвижник царя в первые годы опричнины.

Малюта Скуратов – ближайший сподвижник царя в последние годы опричнины.

Мать Дуняши.

Игнатий – муж Дуняши;

Федор – внук Дуняши;

Гость – исполнитель последней воли Филиппа;

Опричники, иноки, спальничий царя.

¹ Святитель Филипп – митрополит Московский и всея Руси с 1566 по 1568 год, обличитель опричной политики Ивана Грозного. По требованию царя осужден (по заведомо ложному обвинению) церковным собором, лишен сана и заточен в тверской Отрочь Успенский монастырь. Убит (задушен) Малютой Скуратовым – ближайшим подручным царя – в 1569 году. В 1652 году прославлен для всероссийского почитания. Происходил из знатного боярского рода Колычевых. До пострига носил имя Федор (Федор Степанович Колычев).

Часть первая

Действие первое

Сцена первая

1537 год. Русский север. Поздняя осень. Полночь. Околица села. Над промерзшей дорогой усеянное звездами небо. У дороги – вековая сосна. Под нею силуэт привалившегося к могучему стволу человека. Над ним склоняется другой силуэт.

Суббота

Что за один? Пуля его откуда?
И как сюды добрался по зиме?
Ему, однако, бедолаге, худо.
Совсем замерз... Свезу его ко мне.

Поднимает незнакомца и, поддерживая, ведет в сторону виднеющихся на фоне звездного неба дровен.

Пойдем-ка брат. Негоже при дороге
В безвестье помирать в двух шагах
От теплой печки. Влезешь без подмоги?
Вот так сподручней будет. Экий страх
Ты на меня нагнал. Я думал было
Лихой ли кто под сосенкой сидит?
Еще чуток – морозцем бы прибило.
Господь, видать, тобой руководит.
Об эту пору встретить здесь кого-то,
Да в поздний час?... Бывает по три дня
Пуста дорога. Ить кому охота
На тракте мерзнуть. Лучше у огня
Сидеть. Молчи. Не время силы тратить.
В беспмятство ли впал найденыш мой?
Теперь уж ни к чему и помирать...
Н-но, пегая! Беги быстрее домой!

Сцена вторая

В горнице Дуняша. За дверью слышится голос Субботы.

А вот и двор мой. Открывай хозяйка,
Да гостя, Богом данного, приветь.
А что за гость?... ты и сама дознай-ка,
Пока я за медком спущусь в подклеть.

В горницу входят Суббота, его жена и незнакомец.

Суббота

Дуняша, что застыла, как колода?
Что зришь-позришь во все свои глаза?

Говорит сам себе.

А гость наш, чую, не простого рода.
И снова, обращаясь к Дуняше.
Что замерла?.. Ну, то-то, егоза.

Суббота уходит и вскоре возвращается с кринкою медовухи. Незнакомец по-прежнему сидит на скамье в изнеможении.

Суббота

Сними-ка кожушок с него, Дуняша,
Да расстели на лавке у печи.
Ишь зубы как у бедолаги пляшут...
А очи, словно угли, горячи.
Да сапоги давай-ка стащим с гостя;
По счастью, пальцы на ногах целы.
Хватило б лавки при таком-то росте.
Испей-ка, брат, и вознеси хвалы
Ко Господу за чудное спасенье.
На тракте этом не один замерз.
Но таково Господне повеленье,
Чтоб я тебя от смертушки увез.

Незнакомец выпивает толику меду. Его кладут на широкую лавку. О н то ли впадает в беспамятство, то ли забывается в тревожном сне.

Суббота

Ты, матушка, прикрой его тулупом.
Пускай поспит покуда – ночь мудра.
Да оттащи от изголовья ступу.
Доведаемся, что к чему, с утра.

Мать

Дуняша, я опару замесила...
Смотри, не спи, доглядывай ее.
За гостем тож... Эх, как его сморило.
Да попряди, деньком возьмешь свое.

Все укладываются спать. При мерцающем свете лучины Дуняша прядет и следит за опарой, прислушиваясь к словам, которые незнакомец изредка произносит во сне. Ран-

ним утром, затемно, крестьянский дом оживает. Первой поднимается **мать**, дабы испечь хлеб и приготовить гостю отвар. Следом поднимается **Суббота** и выходит на двор при-
смотреть за скотиной.

Дуняша (*шепчет*)

Полночный гость наш, кажется, проснулся.
Отвар взогрейте, матушка, скорей.
Уж встал, перекрестился, улыбнулся.

Мать

Да ты, Дуняша, быстро и взогрей.
Ужо я баньку нашу истопила;
Попарить гостя доброго не грех.
И будет он здоров, и будет сила,
А там и доберется без помех
В далекий монастырь, о коем ночью
Не раз он поминал во сне своем.
Однако ж, где зимою взяться кочу²?
И ни гроша, к тому же, нет при нем.
Входит Суббота, бормоча
Мне б молодца такого. На полатях
Лишь девки с бабкой жмутся мал-мала...
Бог сыновей не дал... Дык, может зятя?..
Видит сидящего на лавке незнакомца.
Мил человек, присядем у стола.

Незнакомец крестится на образа, кланяется, подсаживается к столу с краю.

Суббота

Отвар испей, хлебца поешь ржаного,
Да о себе, коль хочешь, расскажи.
Что на Руси прошло, что стало ново?
Откуда родом? Как забрел в Хижи?³

Незнакомец

Как звать тебя, спаситель мой неожиданный?

Суббота

Субботой люди кличут с первых зим, –
Явился я в сей день в сей мир престранный, –
Ну, а по святцам писан – Никодим.

² *Коч* – поморское одномачтовое или двухмачтовое судно, удобное для плавания в северных широтах.

³ *Хижи* – поселение на берегу Онежского озера, где тридцатилетний Федор Колычев прожил около года (1537 – 1538 гг.) в работниках у богатого крестьянина Субботы.

Незнакомец

Ты мне, Суббота милый, явлен чудом.
Век за тебя молиться должен я.
Коль скоро к месту нужному прибуду,
Тебе молитва первая моя
За Богом вслед. Зовут меня Феодор.
Стремлюсь уйти из мира в монастырь.
Скарб, серебро дороги ради продал.
Язык мне был доселе поводирь.
Мой многодневен путь в страну покоя.
Бегу подале от мирских сует.
А как дошел?... Господь Своей рукою
Прямил мой путь и вел на дальний свет.
Не вор я и не тать. В том будь уверен.
Работы не чураюсь хоть какой.
И тот обет я выполнить намерен,
Дабы обрести спасенье и покой.

Суббота

Да где ж сыскать нам нонечи покою?
За монастырской разве что стеной.
Хотя и там забот не счесть. Зимой
Скит не согреть лучиною одной.
В монастыре не токмо же молитвой
Придется жить. Труд тяжек чернецов.
Плоть умерщвляют не одною битвой
Духовной. Разве ты к тому готов?

Федор

Обвыкну как-нибудь. Господь поможет.

Суббота

Вот сказ те мой: иди-т-ко в найм ко мне.
Крестьянская сноровка приумножит
Твое раденье в горней стороне.
К тому же Соловки отсель далече.
На Беломорье нонче нет пути.
Придется ждать до лета с ними встречи.
И коч не скоро выпадет найти.

Федор

О Соловках я не во сне ль поведал?

Суббота

Во сне. Твой сон не безмятежен был.
Другой такой обители Бог не дал.
Тот монастырь давно святым прослыл.
Я старостою в этом поселенье
Ужо лет пять. Ужо лет пять Хижи
Мне доверяют суд и управление.
И я радею безо всякой лжи.
Коров пяток, овец держу немало,
И поросята хрюкают в хлеву.
А все один. Невмоготу уж стало,
Хоть мужиком сноровистым слыву.
Каб наперед то знать – скорей в монахи,
Как ты, мил друг. Да что там говорить...
Подушки, сарафаны, да рубахи,
Да рушники⁴ – в приданое вся прыть
Моя уходит, все мое богатство.
И женихов годящих подыскать...
Так что теперь ужо мне в ваше братство
Заказан путь. Кого тут попрекать?
За грех какой, не знаю сам, любезный,
Сподручников Господь мне не дает.
Все девки... Хороши, да бесполезны.
Прядут да ткут, да каждая поет –
Заслушаешься. Дуня – заводила.
Я кулачищем в бороду упрусь
И плачусь сам. На все Господня милость...
Трудись, да пой, да славь Святую Русь.

Федор

Да если б знал ты, милый друг Суббота,
По чьей бежал я милости сюда,
Пропала б говорить со мной охота,
Привязанность исчезла б без следа.

Суббота

Так повинись мне, милый друг, откройся.
Я видывал ужо лихих людей,
И так скажу: ты, брат, меня не бойся.
Чай ты не вор иль там какой злодей.

Федор

Дядья мои – удельные бояре –

⁴ Рушник – полотенце.

Служили честно князю своему
И головы в междоусобной сваре
Сложили не по льстивому уму⁵.
И я, на княжьей службе не угодник,
При малолетнем быв государе,
Стал виноват лишь тем, что я их сродник.
Мне жить негоже стало при дворе.
К тому же, я давным-давно решился
Уйти в обитель. Счастьем ли назвать
Несчастье рода: путь мой вдруг открылся,
И некогда мне стало горевать.
И в день один, простое взявши платье
И никому ни слова не сказав,
Сюда подался, дабы снять проклятье
С родни своей, обет святой прирав.

Суббота (*сам себе*)

Догадлив я: он роду не простого
И малый честный – это вижу я.
Другого некичливого такого
Сосватал бы Дуняше я в мужья.
Снова обращается к гостю.
Великому ты князю не изменщик,
Татьбы тебе незнамо ремесло.
Так стань же сам и барин, и поденщик –
Что сам посеял, то и проросло.
Платить тебе я, Федор, буду справно.
Деньжат подкопишь к лету – и ходи.
Пойдешь сейчас – погибнешь, брат, бесславно.
Да и сноровки нет в тебе, поди.
Ударим по рукам. Все честь по чести.
А летом ты подашься в монастырь.
Ты был один, таперя станем вместе
Застраивать души твоей пустырь.
Пока что обихаживать скотину
Я научу тебя, а ввечеру
Зажжем с тобой смолистую лучину
И станем ладить все, что ко двору
Нам надобно, а что и на продажу:
Плести корзины, сети починять,
Посуду резать... Этот промысл нажил
Я смолоду... Теперь уж не отнять.
И ты войдешь со мною в то искусство.
Монашеские нужды хоть скромны,
Да нужды, все ж... Наматывай на ус свой.

⁵ В 1537 году представители рода Колычевых приняли участие в мятеже удельного (старицкого) князя Андрея Ивановича против Елены Глинской, регентши при малолетнем Иване IV. Кто-то из Колычевых был казнен, кто-то подвергся опале.

Тем скоротаем время до весны.
А как красна придет, мы вольну ниву
Засеем рожью, льном... Пасти зачем
Скотину, птицу... Нам ли нерадиву
Да праздну быть, тем более вдвоем.

Федор

Поклон тебе глубокий и почтенье,
Опять меня ты, брат Суббота, спас.
Ты, словно кряж, который чужд сомненья,
Но выслушай же дальше мой рассказ.
Меня ведь князь Василий приметил,
Когда я был семнадцати годов,
И ко двору призвал. И я ответил
Всем сердцем на любезный князя зов.
И быв изрядно грамоте обучен,
И в иноземных знаясь языках,
С мечом, конем, пищалью неразлучен,
В дворянских смалу служивал полках.
Мой род обширен, и богат, и знатен,
Три сотни лет в державе славен он.
Как не было на Колычевых пятен,
Так нет и ныне. Я же принужен
Уйти в неизвестность собственной охотой.
Служить лишь Богу, чтоб избыть свой грех
Служения мамоне⁶, и, Суббота,
Молиться в тишине за нас за всех:
За нищих ли, богатых ли, смятенных,
За веру, за державу, правый суд,
Дядьев своих, Еленою казненных,
За род свой древний, за неизвестный люд.
И за тебя со чадами твоими.
Увы, мой путь становится длинней.
Один лишь ты мое проведаль имя.
Храни же тайну, выдать не посмей.
В обитель должен я прийти безвестным
Послушником и понести свой крест
Безропотно путем молитвы тесным.
Как будет все – не знаю. Бог же весть!
Пока ж тебе служить без уговору,
Растить в душе смирения сады,
Выказывать во всем свою покору
Готов за хлеба кус да ковш воды.
Ты спас меня, тебе я благодарен.
Учи меня метать твои стога.
Забудь о том, что родом я боярин.

⁶ Мамона – богатства, земные блага.

Ты – мой хозяин. Я тебе – слуга.

Сцена третья

Прошло три месяца. Зимний день. Горница. Федор плетет корзину. Рядом сидит Дуняша.

Дуняша

Скажи-ка, Федор, а в Москве девицы
Такое ж платье носят, как и я?
В домах под ноги стелют половицы
Иль в избах подом служит им земля?
Москва Хижей намного ли поболее?
Хоромы на Москве ли велики?
И можно ли перечить княжьей воле?
А пользуют ли бабы там вальки⁷?
А ходят ли девицы-молодицы
По ягоды, как мы на Сытну Гарь?
И много ли в Москве-реке водицы?
И грозен ли московский государь?
А липовым ли лапти вяжут лыком? А...

Федор

Как горохом сыплет. Погоди.
Мой сказ тебе о князе о великом
Сегодня будет. Ты пряди, пряди.
Приятно видеть мне твое проворство;
Ты и умна, Дуняша, и ловка.
В тебе нет ни жеманства, ни притворства...
Так вот... Наш князь великий мал пока.
Пристрастен к играм, книгам многомудрым,
Великий князь сметлив не по годам.
Поет псалмы и с тем, прибравши кудри,
По воскресеньям чинно ходит в храм.
К покоям быв приставлен государским,
Я с ним, случалось, много говорил
О Боге, о величии о царском.
И я его, и он меня любил.
И в шахматы с ним игрывал порою...

Дуняша

А что же это за игра, скажи.

Федор

⁷ Валеk – приспособление, используемое женщинами для стирки (выколачивания) белья и т.п. в проточной воде.

Всяк ум людской возрастает той игрою.
И твой возрастет. Ты только прикажи.

Дуняша

Мне с куклами моими нынче скучно.
Ты, Федор, не научишь ли меня
Мудреной сей игре – я буду слушной.

Федор

Ну что ж... Сначала вырежем коня,
Туру, пешцов, да княжескую стражу,
Да бранно поле вырежем потом.
Ну, а когда я войско то налажу,
Приступим, осеня себя крестом.

Дуняша

А письменам, которые в Псалтыри,
Научишь ли меня – их сдюжу я.

Федор

Ну, коли будет норов твой настырен,
То будешь честь про святость жития
Уже к весне.

Дуняша

Уже к весне я буду
Честь и Псалтырь и многих знать святых?

Федор

Да, будешь честь всему на диво люду
Собрание тех истин золотых.

Дуняша

Рассказывай же дальше.
Как одет он?
Бывает ли сердит на слуг своих?

Федор

Во злате-серебре пред белым светом
Он предстает. Но дома – прост и тих.

Землею ж правит мать его, Елена⁸,
Пока он мал. Прекрасен лик ее.
Мудра, тверда, на выходах степенна.
А слово – что разящее копье.
Скажу тебе я, Дуня: этим летом
Она меня от гибели спасла,
Велев бежать немедля, чтоб к ответу
За родичей не встать мне опосля.

Дуняша

Не будь того, ты к нам бы не явился
И о тебе не ведала бы я.
Великий князь, наверно, огорчился,
Когда ты отбыл в дальние края.

Федор

Дядьев да мамок вокруг него немало. Меня, быть может, он уже забыл.

Дуняша

А я б тебя вовек не забывала.
Сколь буду жить, ты будешь сердцу мил.

Федор

Ты ведь давно сосватана, Дуняша.
С младых ногтей знаком тебе жених.
В селе невесты и не сыщешь краше.
Очей твоих веселых озорных
Нельзя не заметить среди прочих.

Дуняша

Никитка Кочнев был мне женихом...
Да и теперь немало есть охочих...
Сын мельника Антип, а то Пахом...

Федор

Как был?

Дуняша

⁸ Елена – великая княгиня, вторая жена Василия III, мать Ивана IV. Из рода литовских князей Глинских, ведущих свое происхождение от пресловутого темника Мамая. Выдающаяся правительница и реформатор. Умерла (отравлена боярами) в 1538 году.

Да так. Убился этим летом
(Господь же его душеньку спаси):
Упал с коня в ночном. Святым обетом
Я год решилась батюшку просить,
Дабы сватов к нам в дом не засылали.

Федор (*крестится*)

Господь же его душу упокой.
Нам свыше все ниспосланы печали,
Да жить негоже нам одной тоской.

Сцена четвертая

Прошло еще шесть месяцев. В горнице Федор и Дуняша. Входит Суббота.

Суббота

Пришла пора нам с гостем распрощаться.
Пришел обоз, и завтра поутру
Тебе сподручно, Федор, с ним податься,
Хоть это мне совсем не по нутру.
Душа твоя величием богата,
В смирении своем не лицемер,
Ты стал для нас для всех милее брата,
В трудах земных, в молитве – нам пример –
Ты прост и ясен, многомудр и крепок.
Таким хотел бы видеть зятя я.
Коль ладишь что, то ладишь без зацепок.
Да не про нас такие-то зятя.

Продолжает, как бы спохватившись.

А может, на второе лето с нами
Останешься. Дуняша подросла,
Чего решать с другими женихами,
Она с тобою не узнает зла.
Она хоть дочь крестьянская, да парой
Тебе желанной станет. Погоди,
Я подмогу. Мужик я, чай, не старый.
Не знаешь ведь, что будет впереди.
Она в тебе души своей не чает.

Суббота смотрит вопросительно на Федора. Федор, приложив руку к сердцу, низко кланяется Субботе, а затем и всем остальным.

Федор

Простите же меня, коль в чем не прав.

Меня ведь расставанье огорчает
Не меньше вас, но я избрал устав
Монашьяй жизни и пути обратно
Мне нет. Дуняшу же люблю как брат.
За вас молил я Бога многократно.
Простите, ежели в чем был виноват.

Суббота

Коль выбор тверд, то силой не удержишь.
Прости какой и наш тебе укор.
На озеро схожу, проверю верши.
К отъезду твоему вернусь на двор.

Уходит.

Дуняша

Прошу тебя, останься, Федор, с нами,
Не уходи из нашего села.
Ты лучший между здешними мужами,
И я с тобою рядом весела.
Ты мне желанен стал тотчас, как только
Введен был в дом наш батюшкой моим.
Теперь же сердцем всем, и мудрым толком,
И всей душою мною ты любим.
Возьми меня женой, ведь ты же любишь
Меня. А я-то как тебя люблю.
Другую взяв, меня ты не погубишь
Останься только... Я и то стерплю.
Меня возьмешь – покорною женою
Тебе останусь до скончанья дней.
И будем жить: тобою я, ты мною,
И даст Господь нам толику детей,
И дом поставим – батюшка поможет –
Хозяйство справно заведем при нем.
А ежели тебя сумленье гложет...
Останься только... Я к тебе в наем
Пойти готова. Только б любоваться
Твоею статью, добротой твоей,
Твой взор ловить, и им же согреваться
И слышать рокот ласковых речей.

Федор

Ох, милая разумница, Дуняша.
Ты и права, и вместе неправа.
Я дал обет, и уж налита чаша,
И я уж пью. И все твои слова
Мне душу жгут, но не могу ответить

Взаимностью на чистый твой призыв.
Признаюсь: не хотелось бы мне нетить.
Я был бы лжец, живые чувства скрыв.
Люблю тебя я всей душой, не скрою,
К несчастью, Дуняша, моему.
Была ты мне до сей поры сestroю,
Так будь же ею, не влеки во тьму.
Дай я с тобой на горестях поплачу,
Мой путь иной, давным-давно иной.
И поступить не вправе я иначе.
Обитель Божья будет мне женой.

Дуняша

Тогда никто моим не станет мужем.
Пойду в обитель сестринскую я.
Коли не мне, а Господу ты сужен,
Уйду и я в те горние края.

Федор

Меня коль любишь, следуй же совету,
Что дам тебе я: не бросай отца
И мать. Не уходи за мной со свету,
Не отрицайся брачного венца.

Дуняша (рыдая)

Другого, кем бы ни был, не хочу я...
Чем жить с нелюбым, лучше умереть!

Федор

Не плачь. Минуют дни, тебя врачую,
И снова будешь и плясать, и петь.
Так обещай же следовать покорно
Моим советам. Бог тому судья.
Приходит срок, и прорастают зерна,
И в путь стремится новая ладья.
А я за вас за всех молиться буду.
И ты молись, Дуняша, обо мне.
Не огорчай. Молитва – это чудо.
Муж будет счастлив при такой жене.
Так обещай же твердо.

Дуняша (всхлипнув) Обещаю.

Федор

Вот так-то лучше, так-то веселей.
А я пока с иными попрощаюсь.
А ты меня в молитве пожай.

Часть вторая

Действие первое

Сцена первая

*1566 год. Александровская слобода. Царские покои. Беседуют **Иван IV** и его ближайший сподвижник князь **Афанасий Вяземский**.*

Иван IV

Ослушался нас Герман⁹. Повеленья
Не выполнил. Не захотел принять,
Не взял над паствою нашей попечение,
А стал царю перечить и пенять.
Таков ли нам митрополит потребен?
Сослать в обитель строгую его!
И там о нашем здравии молебен
Читает пусть. И всех до одного,
Кто был ему послушен, взять на дыбу.

Вяземский¹⁰

А кто же будет нам митрополит?

Иван

Достойного сыскать мы не смогли бы
Средь всей их братьи, что меня и злит.
Сэр Ченселор¹¹ – тот аглицкий купчина –
В свой час об их мне сведал короле¹²:
Он государь, и вместе – благочинный,
И аглицкой той веры на челе.
Монастыри свои в правах урезал,
Все злато их в казну свою забрал;
Мол, коль монах, тебе нужна аскеза,
И будь по вере беден ты и мал.
И нынче Лизавета-королева

⁹ *Герман* – казанский архиепископ, попавший в опалу после того, как, будучи несогласным с политикой царя, отказался принять митрополичью кафедру.

¹⁰ *Вяземский Афанасий Иванович* – князь, один из ближайших сподвижников царя в первые годы опричнины. Впоследствии попал в опалу и был казнен.

¹¹ *Сэр Ченслер* – первый из англичан, добравшихся до южного побережья Белого моря морским путем и открывший начало прямой торговле Англии с Россией. Побывал на приеме у Ивана IV и добился больших привилегий для английских купцов.

¹² *Генрих VIII* – английский король, отказавшийся подчиняться папе римскому. Провозгласил себя ни от кого не зависящим главою Церкви (англиканской) в Англии.

Обычай тот сумела сохранить.
Она всему глава – затем и дева:
Ей замуж неподобно выходить.

Вяземский

И нам бы завести то не мешало.
Чай, еретик-то аглицкий не врет.

Иван

В опричнине попробуем сначала...
Да чувствую – взбунтуется народ.

Вяземский

А нет ли среди игуменов достойных?
Обителей немало на Руси
Богатых, и обширных, и спокойных.

Иван

И то ведь правда. Скоро расспроси...
А впрочем, нет. Расспрашивать не надо.
Есть мних¹³, который сможет то поднять.
Он упасет и пастырей, и стадо.
Он строг, разумен и негож пенять.

Вяземский

О ком ты, государь? Ужо я знаю
Игуменов московских. Среди них
Немало добрых пастырей, да бают:
Мягчает в граде стольном всякий мних.

Иван

И то... Мне люб игумен соловецкий,
Тот славный стольник, что пропал тотчас,
Когда казнили Колычевых. В детской
Меня берег он. Я, разгорячась,
Его бранил, бывалочи, неловко;
Он на меня сердиться не хотел,
И разуменьем добрым и сноровкой
Был мне по нраву он. И я, пострел,
С ним в шахматы не раз играть садился;
Ужо в игре он этой был хорош...

¹³ Мних – монах.

Потом гляжу: вона где объявился.
Быв на Стоглаве, был ко мне он вхож¹⁴.
Я отпустил тогда его с дарами
И помогал, чем мог, до сей поры.
И вскоре под полночными ветрами
Восстал храм-крепость – вот где те дары.

Вяземский

Но он из рода Колычевых будет.
Они радеют братцу твоему
Владимиру Андреичу¹⁵, Иуде...

Иван

Я волю так. А значит, быть тому.
Отправите посланников с поклоном,
Не мешкая. Чтобы на всем пути
Его встречали колокольным звоном.
Он будет слово Божие нести
И паству этим словом обнадежит.
А то, что он из Колычевых... Пусть
Все знают нашу милость. Нам негоже
Чураться верных слуг. Ведь я тружусь
Державы ради. А Филипп – не то же?
Державник он. Мне преданный слуга,
Он, думаю, делам моим поможет.
А там сведем державы берега.

Действие второе

Сцена первая

*1566 год. Соловецкий монастырь. Келья **Филиппа** – игумена Соловецкого монастыря (до пострига – Федора Степановича Колычева). **Филипп** молится, стоя на коленях перед образами. Входит **инок** – келейник умирающего старца **Спиридона**, до пострига – **Сильвестра**¹⁶.*

Инок

Тя Спиридон зовет. Пойдешь ли отче?

¹⁴ *Стоглав* – церковный собор 1551 года, принявший важнейшие правила церковной жизни (итоговый документ состоял из 100 глав – отсюда: Стоглавый собор). Филипп как участник этого собора, будучи на приеме у царя, получил в дар богатое церковное облачение и значительные налоговые привилегии для Соловецкого монастыря.

¹⁵ *Владимир Андреевич Старицкий* – удельный князь, двоюродный брат Ивана Грозного, подозреваемый им в посягательстве на трон. Погиб от рук опричников.

¹⁶ *Сильвестр* (по пострижении – *Спиридон*) – протопоп Благовещенского собора в Кремле, наставник царя Ивана в его молодые годы, член Избранной рады (ближайшего совета при молодом царе). Попав в опалу, в 1560 году был сослан в Соловецкий монастырь. Вероятно, там и умер.

Вот-вот погаснет свет его очей.
О жребии твоём счастливым хочет
Он молвить слово.

Филипп (*поднимаясь с колен*)

Время – казначей
Бесстрастный. Нас ссужает скупой днями
Счастливой жизни, чтобы взять потом
И нашу жизнь, и все, что было с нами,
В свой вечный схрон. А где-то под крестом
Останки наши бранные истлеют.
О, мудрый старец, отче Спиридон,
Сильвестра помня, все тебя жалеют.
Пока ты был, в державе жил закон.

(*Обращается к келейнику*)

Иду немедля, чтоб утешить душу,
Пред вечностью готовую предстать.
Указ царев я этим не нарушу,
Да и душе сей вскоре не страдать.

Сцена вторая

*Келья **Спиридона** (Сильвестра). Старец покоится на ложе. Входит **Филипп**.*

Спиридон (*говорит слабым, но твердым голосом*)

Я ждал тебя, Филипп. Узнал от братий –
В митрополиты царь тебя зовет.
Мой пробил час, и мне грешно скрывать
То, что меня так много лет гнетет.

Филипп

Знай, сыну твоему я весть отправил.
Мы ждем его уже который день.
Обители Онфим твой в дар оставил
Одну из ваших справных деревень.
Я чаю, он тебя еще застанет.
И ты, смотри, покуда потерпи.

Спиридон

Душа юна, а плоть вот-вот завянет,
Хоть медли жизнь свою, хоть торопи.
Ты был приставлен к отроку Ивану,
Я молодым царем его знавал.

Нрав государев был не без изъяну,
Теперь же бес его околдовал.

Филипп

Наш государь взыскует утешенья
Средь дел державных. Оттого меня
Зовет к себе, чтоб не было смущенья
В народе. Не моя ли то пеня?
Его же я ослушаться не в силах.

Спиридон

Он к истине неправедным путем
Стремится. Можно ль, можно ль на могилах
Невинных жертв поставить крепкий дом?
Построить нерушимую державу,
Где счастлив будет, кто бы он ни был?
Как сохранить величие и славу,
Коль честь и славу ближних истребил,
Раздрав надвое собственное царство.
Как разоряя подданных своих,
Обрести богатство. Можно ль чрез фиглярство
Восставить правый суд. Совсем затих
Глас правды и нельстивого совета?
И земщина с опричниной¹⁷ – враги?
А испоместный¹⁸ наг, и чернь раздета,
С кого взыскать державные долги?
Сомненьями пустыми одержимый,
Он истине путь лживый предпочел.
И лестью шептунов своих даримый,
Разрушил борт, и закурил всех пчел.
Но шершней злобных при себе оставил.
Опричники безумием своим
Готовят крах его царевой славе,
И смуты призрак явится за сим.

Филипп

Пока делил он с Избранною Радой
Заботы о величии страны,
Высот немалых этой цели ради
Достиг, избыв пороки старины.
Дал укорот он местничеству строгий
Приказы обустроил, свод един

¹⁷ *Земщина* – часть российских земель, отданных в управление Боярской думе, в отличие от опричнины – удела, который Иван Грозный взял в свое управление. Это разделение существовало с 1565 по 1572 год.

¹⁸ *Ипоместный* (отсюда: *помещик*) – представитель воинского или гражданского сословия, получавший от государства за свою службу участок земли с жившими на нем крестьянами (испомещаемый на эту землю).

Законов дал Руси¹⁹ и встал на ноги
Он твердо как могучий властелин.
Границы царства далеко раздвинул.
Стяг веры православной водрузил
Во станах агарянских²⁰. А повинных
В изменах слуг своих, коль поразил –
На то он царь, чтоб не терпеть измены.
Князей удельных вправе он унять.
Но без расправ ужасных, постепенно,
Не изводя под корень в царстве знать.
То истина для царствия любого,
Чтоб был властитель строг и справедлив.
А что невинной крови много...
Слово
Я молвлю пред царем. Я не стыдлив.

Спиридон

Что истина, коль к ней кривы дороги?
Повдоль же псы и морды их в крови.
И множатся по царству перелог²¹?!
И всяк бежать из царства норовит!
Когда предстанешь пред цареви очи,
Моли его, Филиппе, об одном:
О единенье двух державных отчин –
Да будет царство как единый дом.
Да не казнит он слуг своих вернейших,
Клеве там злобным хода не дает.
Пусть бережет и бо лыших, и малейших,
Иначе царство русское умрет.
Мой близок час. Те книги, что Онфимом
Мне присланы, обители дарю.
Скучаю я о сыне о любимом...
Прости меня. Ступай теперь к царю.

Сцена третья

Трапезная Соловецкого монастыря. Два пожилых монаха ведут беседу.

Зосима²²

Я молодым сюда пришел когда-то,

¹⁹ В 1550 году на Земском соборе был учрежден Судебник Ивана IV и проведена военная реформа, а в 1556 году – проведена реформа местного управления.

²⁰ В 1552 году к России было присоединено Казанское ханство, а в 1556 – Астраханское.

²¹ *Перелог* – заброшенные, обезлюдившие сельскохозяйственные земли и угодья.

²² *Зосима* – старец, по иронии судьбы, носивший то же имя, что и один из основателей Соловецкого монастыря. Конфликтовал с игуменом Филиппом. Впоследствии свидетельствовал против Филиппа на церковном соборе, обвиняя того, по всей вероятности, в чародействе.

Чтоб подвизаться в тяготах земных.
Здесь нашего едва ль с десятков брата
Нагих молилось. Варниц соляных
Да промыслов доходных мы не знали,
Ютились в срубах тесных круглый год.
До смертушки зимою замерзали,
Судьбы своей не зная наперед.
В пятнадцать лет все вдруг переменялось.
Не чары ль то, и в силах ли людских?
Такое мне, да и иным, не мнилось –
Вознесся камен град в пустынях сих.

Паисий²³

Мы и сейчас своей судьбы не знаем.
Без воли Божьей, кабы то сбылось,
Чтоб край суровый обернулся раем –
Где столько люду Божьего спаслось.

Зосима

Насельников в обители немало,
Да все по кельям каменным сидят.
Монаху, старцу, разве то пристало,
Лелеему быть с головы до пят.

Паисий

Устав наш, брат, тяжелыше не бывает.
И послушанья наши нележки.
Но коли дух твой дерзкий изнывает,
Пещерку рой – то Господу с руки.
Молитвенными подвигами братий
Обитель даже малая славна.

Зосима

И дел Филиппа, и его объятий
Боюсь. Давно причастного вина
Из рук Филиппа я не принимаю.
Все мнится мне, что он де чародей.
И впрямь пойду пещерку ископаю
Подале от Филипповых затей.

Паисий

²³ *Паисий* – преемник Филиппа в качестве Соловецкого игумена. Впоследствии также был принужден к свидетельству против Филиппа в процессе осуждения последнего церковным собором.

В обитель мы пришли с тобою вместе
Не с нами ли тогда Филипп пришел?
Закваскою он стал в опавшем тесте.
Ты с той поры на Федора стал зол
И порывался бить его за рьяность;
Безропотно обиды он сносил.
И дивная за ним водилась странность —
Он тем крепчал, чем больше тратил сил.

Зосима

Вот я и говорю: все это чары.

Паисий

Нет, брате, это Божья благодать.
Господней волей монастырь наш старый
Сгорел дотла, чтоб камню первость дать.
Филипп-Феодор в те года лихие
Любовь к себе игумена снискал
Уменьями своими. Мы, нагие,
Еще скитались между голых скал,
А он и лес валил, и печи ставил,
И нам свои умения открыл.
Не быв монахом, против всяких правил,
Над многими поставлен первым был.
Затем опять безропотно трудился,
Принявши постриг и Филиппом став...
То в кузнице, то в хлебне... И молился,
Безсчетно свой псалтырь перелистав.

Зосима

А мы себя в те годы, что ль, щадили?
В посте, молитве, праведных трудах
Не менее его поклоны били
И изнуляли плоть. И Божий страх
Нам ведом был не менее. А ныне
Игумен он.

Паисий

И, слышно, государь
Его к себе зовет.
Он нас покинет
И с тем уйдет твоя слепая ярь.

Зосима

А кем зовет?

Паисий

Зовет в митрополиты.

Зосима

Епископов, что ль, мало на Руси?
Игумена к себе зовет?! Поди ты...

Паисий

Не нам, убогим, тот расклад веси.
Епископ Герман, тот, что на Казани,
Клобук и посох, бают, не приял,
Ослушался Ивана приказаний,
В опалу без прощения попал.
Филипп же с давних лет царю знакомец.
В покаях княжьих смолоду служил.
Его и вспомнил царь. Видать, что кроме
И некого. Филипп заворожил
Царя Ивана дивами своими,
Обитель превратив почти что в сад.
Поставил храмы каменны. Святыми
Соделал Соловки. Шумлив посад
Под стенами валунными устроил
И промыслы богатые завел.
Мне по душе Филипповы устои.

Зосима

А я вот на него и ныне зол.

Паисий

Грешно, Зосима. Сколько лет минуло.
Душе своей дай, наконец, покой.
Избавься от бесовского посула
Далеких дней. Переверни, закрой
Злопамятства истертую страницу.

Зосима

Казню себя, Паисий, но стучит
В висках обида...

Паисий

Зависть багряницей

Твой застит взор и злую нить сучит
Глубокой нелюбви твоей к Филиппу:
Не ты, а он Алексею²⁴ был люб;
Не ты, а он высокий холм насыпал
Молитв благих, что не сходили с губ
Его, и вдохновляли слабых братьев.
Когда он строил, ты лишь причитал.
И храмов светлых дивное зачатъе
Не ты, а он молитвой начертал.

Зосима

Он от начала нам простолудином
Себя казал. Но в нем иная стать
Была видна. И вот боярским сыном
Он вдруг решил по поставленью стать.
Но долго же свое скрывал он имя.
Чего боялся? Мести ли, суда?
Он!? Колычев!? Кто из простых подымет
На род сей руку? Нет, не зря сюда
Бежал он. Знал ли кто до поставленья
Игуменом о нем хоть что-нибудь?
Дядя ж его высоким повеленьем
В Москве на плахе свой скончали путь.

Паисий

Я думаю, то знал Иона Шамин²⁵ –
Филиппов изначальный духовник.
Да и Филиппа тайны тяжелой камень
Давил. В то дело сыск когда проник,
За ним вины и грана не открылось
В измене. И не стал бы государь
Изменщику являть такую милость –
Велик монастырю Иванов дар.
Уж двадцать лет как брат Филипп игумен.
Богатством личным монастырь вознес.
И мнится мне, что был благоразумен
За годы те и щедрый царский взнос.
Судьбы его минувшей плотно дверца
Затем была закрыта, что был благ.
Не к почестям его тянулось сердце;
Хотел быть равным с нами. Он ли враг
Царю Ивану? Праведность Филиппа
Давно известна на Святой Руси.

²⁴ Алексей – игумен Соловецкого монастыря, предшественник Филиппа.

²⁵ Иона Шамин – старец Соловецкого монастыря.

Живет его молитвой неусыпной
Обитель наша. Ты, брат, не трясина
Своей главою. Грешен ты, Зосима.
Тебя Филипп доселе привечал
И не губил. А злость, тобой носима –
Сподручница неправедных начал.

В трапезную входит настоятель Соловецкого монастыря Филипп.

Филипп

Не прост в житейском сем водовороте
Путь твердости и кротости, не прост.
Не обо мне ли, братья, речь ведете?
Смиренною молитвой в небо мост
Одною не постройте. Деянья
Важны. Как добрый пахарь у сохи,
Чернец взрыхляет пашню покаянья
Отнюдь не только за свои грехи.

Зосима *(отводя взгляд в сторону)*

Позволь мне удалиться в келью, отче,
Пришло мне время на молитву стать.

Филипп

Иди, Зосима. Червь те душу точит.
Пребудет же с тобою благодать.

Зосима *уходит.*

Филипп

Скажи, Паисий, не лукавь, ответствуй.
За что я так Зосимой не любим?
Ведь сколько пережили вместе бедствий:
И хлад, и голод, и пожарищ дым –
А в нем жива неправая обида.

Паисий

Он сознает свой грех, да мочи нет
Уврачевать ту язву.

Филипп

Даже вида
Скрывать не хочет. Гибельных тенет

Он не боится разве? Путь далекий
Мне предстоит и я, брат, не хочу
Оставить здесь и отзвук давней склоки.
Его простил я и опять прощу.
Пусть и меня простит он. Кротким нравом
Не славен он. Ну да не в том беда.
Нельзя монаху с этакой отравой
В душе своей ждать Божьего суда.
Теперь о деле. Государь-надежа
Призвал меня, и может статься то,
Что братья на тебя сей крест возложат:
Беречь обитель – подвиг непростой.
А возвернусь в бесчестье и опале,
То все едино быть тебе главой.
Ни радости во мне нет, ни печали.
Державы ради, дух смиряя свой,
С посланником царевым отъезжаю.
Чай, разумом велик наш государь.
Уговорить его, Паисий, чаю
Не разделять страну. Давно косарь
Безносый в нашем стане промышляет.
Опричные лес рубят, да щепы
Уж больно много. Разве он не знает?
Владыки мира, чай, не все слепы.
Царя я помню мальчиком смышленным.
Проникшись смыслом царственных начал,
Он не бывал ни злым, ни раздраженным...
Я отроков разумней не встречал.
Когда же мать его свели со свету,
Он бедовал, и с тех далеких пор
Мечтал призвать обидчиков к ответу,
И взял себе в подручники топор.
Как не сыскать величия в гордыне,
Как на бревне меча не отковать,
Так он рассек свою державу ныне –
А разделену царству не бывать.
Паду пред ним, Паисий, на колени
И покаянно буду умолять
Опричнину избыть его вельнем,
Народу заедину стать опять.
И ежели откажет царь мне в этом,
То я, Паисий, не митрополит.
Уж лучше мне голодным да раздетым
Уйти в таежный и безвестный скит.

Паисий

Не дай Господь! Одно меня смущает:
Немало уязвленных пред собой

Увидишь ты епископов. Прельщает
Гордыня многих. Грех он не слепой.
Вселяется и в праведные души –
Нашепчет лесть и купит за гроши,
Храм зла восставит, храм любви разрушит
И злодеяньем дело довершит.

Филипп

Эк ты хватил. Не зависти боюсь я
Епископской. Не страшно за себя.
Не изрубил бы крепи царь да брусья
Державы нашей, головы рубя.

В трапезную входит немолодой инок.

Инок

Прости мя, отче.
Там пред воротами
Ждет человек, видать, простолюдин.
Не хочет разговаривать он с нами.
Тебя лишь хочет зреть. Пришел один.

Филипп

Как выглядит?
И н о к
В добротном одеянье
Да в сапогах. Мне был бы он отец...
Стар, но широк в кости.

Филипп

Какого званья?..

Инок

То ль из крестьян богатых, то ль купец.
Веселого приветливого нрава.
К тому ж твердит: тебя де он знал
В твои молодые годы. Нынче слава
Твоя его в дорогу позвала.

Филипп

Он невысок и светел волосами?

Инок

Да, невысок, но сед совсем. Как лунь.
А ласковыми синими очами
На диво чист он и на диво юн.

Филипп

Назвался ль он?

Инок

Сказал, Субботой кличут.

Филипп (*взволнованно*)

Поди к вратам, зови его скорей.
Я знал его и знал его обычай.
Пойду и в келье встречу близ дверей.
С Субботой я знавал иные выси,
Пока его я не оставил дом.
Веди же, брат, ко мне его.

(*обращается к Паисию*)

Паисий. Мы о делах договорим потом.

Сцена четвертая

Келья Филиппа. Входит сам Филипп, следом за ним Суббота. Суббота падает на колени, целует руку Филиппа.

Суббота

Я плачу, отче. Счастьем небывалым
Полна душа. Тебя ли вижу я.
Я часто думал, шествуя за ралом²⁶,
Аль на покосе, хлеба край жуя:
«Как Федор наш? Не бедствует ли часом»?
Мы о тебе молились всей семьей.
Не знаю сам, каким небесным гласом
Меня сорвало. Завтра мне домой.
Лады не станут ждать.

Филипп

Встань, друг мой милый.
Пасть на колени я перед тобой

²⁶ Рало – плуг.

Скорее должен. Ты вернул мне силы
В годину перемены роковой.

Филипп поднимает Субботу с колен, троекратно обнимает.

Филипп

Ты был мне брат и братом мне остался.
Так сказывай же о себе, родне.
Пойдем, присядем. Я, брат, взволновался.
Дуняша как? Рассказывай же мне?

Суббота

Она уж внуков нянчит. С год, наверно,
Как ты уехал, плакала она,
Да снадобье от тех сердечных терний
Сыскалось в муже добром. И сполна
Семья да детки душу излечили
Ее. Но только вспомнит о тебе,
Вся светится. И столь в ней дивной силы...
Сказать по правде, по ее мольбе
Отправился на Соловки я, отче.
Подарки от нее тебе привез:
Вот рушники, вот скатерть. Пусть не очень
Богаты те дары...

Филипп

Меня до слез
Растрогал ты. Что может быть ценнее
Таких любви исполненных даров.
Я поминал всегда вас, и во сне я
Входил не раз под ваш приветный кров.

Суббота

Все дети, внуки Дунины охочи
До грамоты. Она чрез требник²⁷ твой
Их выучила, Федор... Святый отче...
Никто из них дорожкой кривой
Не хаживает по ее раденью.
Молитвами твоими род наш жив,
Укрыт твоей спасительною тенью.

Филипп

²⁷ *Требник* – молитвослов.

Коль дело справно, то и дух не лжив.
Я, брат Суббота, вскорости покину
Сию обитель. Царь меня зовет
Митрополитом – с ним быть заедину
И помогать в делах державных. Вот
Какой мне выпал жребий тяжкий, друже.

Суббота (*снова падает на колени*)

Поверить, святой отче, не могу,
Что Бог мне дал спасти тебя от стужи
И разделять с тобой твою нудьгу²⁸.

Филипп

Так встань же, брат мой милый. Сядь напротив.
Ты послан Богом мне и не перечь.
Страдания души страданий плоти
Куда сильней. Об этом нынче речь.
И без даров обитель не покинешь.
Не спорь со мной. Феодора ты чтишь.
Ну и Филиппа будешь знать отныне!
Я ведь не льстив. И ты мне, чай, не льстишь.
Вечеряти²⁹ со мной сегодня станешь.
В соседней келье ложе для тебя
Устроят. Коль откажешь – сильно ранишь.
А поутру расстанемся, любя.
Увидеться нам больше не придется.
Счастливой доли я для вас молю.
На небе, может, путь наш перевьется.
Скажи Дуняше: я ее люблю.
Люблю ее братернею любовью.
Ты песню мне Дуняшину напой,
Чтоб ангелы явились к изголовью.
Ну, а пока свечеряем с тобой.
Не ведаю судьбы своей дальнейшей,
Но страха нет. И вы есть у меня.
Помолимся же Троице Святейшей,
Чтоб встретить утро завтрашнего дня.

Действие третье

Сцена первая

В покои государя входит Филипп.

²⁸ Нудьга – тоска, томление.

²⁹ Вечеряти – ужинать.

Иван

Как рад тебя, Филипп, я видеть ныне!
Без пастыря истосковались мы.
Стань же отцом, отцом при грешном сыне.
Нас огради от зла, сует и тьмы.

Филипп

И я спешил, о, государь великий,
По повеленью прибыть твоему.
Везде встречая радостные крики,
Я горевал. И, лежа в терему
Из ночи в ночь на пуховой перине,
Ворочался я, словно на камнях.
Где глад и мор, там попускать гордыне
Грешно. Скорбя о тяжких временах,
Твой розмысл, государь, приять не в силах...
Почто свою державу разделил?
Опричина немало подточила
Боярских крепких вотчин. Страх явил
В поместьях многих мерзость запустенья,
Где испоместный нов, да неумел.
И пахарь от бездумного правленья
Бежит куда глаза глядят. Предел
Тому наступит ли? Ведь не прибудет
Ни податей, ни пошлин с тех земель.
Ты – государь! Господь один лишь судит

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.